IV.

Многомотивность проповѣди опрощенія затрудняетъ характеристику этого ученія въ цѣломъ, поскольку въ немъ переплетаются эти различные мотивы: соціальный, религіозный, вѣроучительный. Наиболѣе безспоренъ и силенъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, наименѣе для нея характеренъ мотивъ соціальный. Соціальное покаяніе, мучительное сознаніе своей привилегированности, ничѣмъ незаслуженной, всегда сверлитъ не совсѣмъ еще заснувшую совѣсть и ищетъ для себя хотя какого-нибудь исхода. Оно выражается и въ разныхъ попыткахъ дѣйствительнаго или кажущагося служенія народу, всяческаго народничества, — политическаго, культурнаго, экономическаго, причемъ каждый ищетъ наиболѣе цѣлесообразнаго приложенія своихъ силъ. Соціальное неравенство этимъ, конечно, не уничтожается и даже не сглаживается,—къ чему лицемѣрить,—однако страна и народъ получаютъ, что могутъ дать ей культурные классы своимъ трудомъ въ предѣлахъ своихъ спеціальностей. Другая часть привилегированнаго сословія живетъ не задумываясь надъ своимъ положеніемъ и не тревожа себя чувствомъ соціальной отвѣтственности. Она и образуетъ потребителей, наполняющихъ города и создающихъ спросъ на предметы роскоши, праздности и забавы. Толстой, столкнувшись съ городской бѣднотой, почувствовалъ преступность этой привилегированной жизни и сдѣлалъ попытку выскочить изъ своей соціальной среды, освободиться отъ этой соціальной коры, сѣвши на землю и взявшись за соху и сапожное шило. Однако, освобожденіе это касалось только видимости, и было въ значительной степени лишь перекостюмировкой. Несмотря на весь аппаратъ опрощенія, онъ, конечно, не принялъ да и не могъ принять наиболѣе тягостнаго изъ того, что есть въ положеніи рабочаго человѣка, именно отсутствіе увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, страхъ потери работоспособности или угроза безработицы, отъ которой пойдетъ по міру семья, будутъ голодать жена и дѣти. Этотъ реальный ужасъ бѣдности, этотъ ея гнетъ и униженіе, которое одинаково чувствуется и въ городѣ, и въ деревнѣ, и на мостовой, и среди полей, и есть, пожалуй, самое существенное, что отличаетъ бѣдныхъ отъ богатыхъ. Этого никогда